

Роберт Леки

КАСКА ВМЕСТО ПОДУШКИ

*Воспоминания
морского пехотинца США
о войне на Тихом океане*

Роберт Леки
Каска вместо подушки.
Воспоминания морского
пехотинца США о
войне на Тихом океане

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147865

*Каска вместо подушки. Воспоминания морского пехотинца
США о войне на Тихом океане./ Пер. с англ. С.В. Лисогорского.:*

Центрполиграф; Москва; 2005

ISBN 5-9524-1797-3

Аннотация

Роберт Леки, один из самых известных американских военных историков, в январе 1942 года вступил в Корпус Морской пехоты добровольцем. Он вспоминает, как вместе с другими новобранцами они защищали интересы США в Тихом океане. И все же эта книга не только об ужасах войны. Уморительные байки морпехов, в промежутках между боями рассказы о любовных приключениях в Австралии делают повествование запоминающимся и ярким.

Содержание

Глава 1 Новичок	4
1	4
2	19
3	33
Глава 2 Морская пехота	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роберт Леки
Каска вместо подушки.
Воспоминания морского
пехотинца США о
войне на Тихом океане

Посвящается павшим

Глава 1 Новичок

1

Утро 5 января 1942 года было холодным и безрадостным. По пустынной Черч-стрит гулял пронзительный ветер. В тот день я отбыл на службу в морскую пехоту США.

Война с Японией шла меньше четырех недель. Остров Уэйк пал. Пёрл-Харбор стал настоящей трагедией, горьким, жгучим унижением. Поспешно сочиненные военные песни пели все от мала до велика, однако патриотический настрой несколько не компенсировал художественные недо-

статки этих произведений. Казалось, в глазах у каждого при- таился огонек истерии.

Но все это ровным счетом ничего для меня не значило. Со мной рядом шел отец, так же как и я отворачиваясь от ударов холодного ветра. Я чувствовал боль внизу живота – рана была еще свежая и сильно саднила. Швы сняли всего несколько дней назад.

Я хотел поступить на военную службу на следующий день после Пёрл-Харбора, но в медицинской комиссии настояли, чтобы я совершил обрезание. Это стоило сотню долларов, хотя я до сих пор не уверен, платил я доктору или нет. Но я точно знаю, что немногие молодые люди в то судьбоносное время отправлялись на войну отмеченные таким образом.

Мы перешли луга Джерси и добрались до парома, который перевез нас через Гудзон в деловую часть Нью-Йорка. Завтрак дома был забыт. Мама была на ногах еще затемно – она не проронила ни слезинки. Наше прощание нельзя было назвать душераздирающим, не было в нем и намека на мужество, отвагу и решительность – ни одно из этих слов не описывает в полной мере то, что происходило в действительности.

Расставание с домом, как и многое другое в этой войне, являлось истоком героизма. Мама проводила меня до двери, взглянула грустными, тоскливыми глазами и молвила: «Храни тебя Господь, сынок».

А затем было молчаливое путешествие по лугам и столь

же безмолвное прощание перед массивной дверью дома номер 90 по Черч-стрит. Отец быстро обнял меня, затем так же поспешно отвернулся, пряча от меня лицо, и ушел. Швейцар-ирландец окинул меня взглядом и улыбнулся.

Я вошел в здание и стал морским пехотинцем. Капитан, принимавший присягу, чрезвычайно упростил и укоротил церемонию. Мы все подняли руки, затем опустили, когда он опустил свою. Когда было разрешено расходиться, мы догадались, что стали морскими пехотинцами.

Сержант-ганни¹, ставший нашим «пастухом», быстро расставил все на свои места. Сочные ругательства, к которым мне еще предстояло привыкнуть, срывались с его губ и текли непрерывным потоком, словно он всю жизнь только и практиковался в этом занятии. Позже мне еще доведется узнать истинных виртуозов этого дела. Но тогда он, подгонявший нас в Хобокен, к поезду, казался мне неподражаемым. Тем не менее он был достаточно добр и ласков, чтобы буркнуть нам слова прощания, посадив в поезд. Он стоял в конце вагона – человек средних лет, подтянутый и пока еще довольно изящный, впрочем, его изящество грозило вот-вот исчезнуть благодаря быстро отрастающему животу. Он носил голубую форму морских пехотинцев, а поверх нее – зеленую шинель установленного образца. Сочетание голубого и зеле-

---

¹ Г а н н и уменьшительное от *gunner* (оружие), *master gunner sergeant* одно из высших сержантских званий в морской пехоте США. Старше его *sergeant major*, главный сержант.

ного всегда казалось мне несколько странным, но в тот момент оно как-то особенно резало глаза – яркие, веселые сине-голубые краски формы морпехов в обрамлении блеклой зелени.

– Там, куда вы направляетесь, будет нелегко, – сказал сержант. – Когда вы попадете на остров Пэрис, то сразу поймете, насколько это непохоже на гражданскую жизнь. Вам это не понравится. Вы решите, что ваши командиры хотят слишком многого. Вы подумаете, что все они идиоты. Вы уверитесь, что попали к самым грубым и жестоким людям в мире. Я собираюсь сказать вам одну вещь. Вы будете не правы! Если вы хотите облегчить себе жизнь, прислушайтесь к моим словам сейчас. Делайте все, что вам говорят, и держите рот на замке.

В конце он все-таки не удержался и усмехнулся. Он знал, что говорит правильные, разумные вещи, однако не мог не ухмыльнуться, поскольку не сомневался: мы проигнорируем каждое его слово.

– Да, серж! – крикнул кто-то. – Спасибо, серж!

Он развернулся и быстро ушел.

Мы назвали его «серж». Через двадцать четыре часа мы даже к рядовому 1-го класса не осмелились бы обратиться без непременно добавления «сэр». Но сегодня мы еще не расстались с гражданской жизнью. На нас была гражданская одежда, а вокруг – торговые ряды Хобокена. Каждый из нас скромно, молча не соглашался с участью рядового, уверен-

ный, что чины и звания для него не за горами.

Поездка в Вашингтон прошла спокойно и без приключений. Но когда мы добрались до столицы и сделали пересадку, стало оживленнее. Туда уже подтянулись другие новобранцы, мы оказались последними и последними загрузились в древний деревянный поезд, который ожидал своих пассажиров, попыхивая клубами черного дыма и распространяя далеко вокруг запах угля. Ему предстояло доставить нас в Южную Каролину. Пожалуй, именно допотопное транспортное средство привело нас в хорошее настроение. Оказаться в настоящем музейном экспонате, который плюс ко всему еще и едет, – вот восторг-то! Кто-то сделал вид, что нашел под сиденьем медную табличку, и все мы долго покатывались со смеху, услышав: «Этот вагон является собственностью Филадельфийского музея американской истории». Свет нам давала керосиновая лампа, а тепло – пузатая печка. Из каждого угла дуло, со всех сторон раздавался треск и скрежет дерева, а стук колес звучал как причитания. Мне очень понравился этот странный поезд.

Комфорт остался позади – в Вашингтоне. Некоторые из нас даже начали наслаждаться трудностями поездки. И здесь, должно быть, сказала некая неуловимая таинственность, неосязаемая загадочность, связанная с морской пехотой. Мы уже начали терпеть лишения, именно этого мы и ждали, на это шли. Вот в чем штука – терпеть лишения! Человеком, который преодолевает трудности, всегда восхища-

ются. А тот, кому легко, менее всего достоин похвалы.

Желающие поспать могли устроиться на полу, пока поезд, постукивая колесами, вез нас по Вирджинии и Северной Каролине. Но таких было немного – все были слишком взволнованы. Пение и разговоры не прекращались ни на минуту.

Парень, сидевший рядом со мной – симпатичный блондин с юга Джерси, – оказался обладателем прекрасного голоса. Несколько песен он спел один. А под влиянием находившихся среди нас нью-йоркских ирландцев он вскоре запел протяжные ирландские баллады.

Через проход сидел еще один парень, которого я буду называть Армадилло из-за его худого тонкого лица. Он был из Нью-Йорка и посещал там колледж. Поскольку мало кто из собравшихся ходил в колледж, вокруг него довольно быстро образовался небольшой литературный салон.

Группа Армадилло не шла ни в какое сравнение с другим кружком, собравшимся немного дальше в вагоне. Его центром стал высокий улыбчивый рыжеволосый юноша. Рыжий был бейсболистом-кетчером у «Кардиналов» Сент-Луиса – и как-то здорово отличился на Поло-Граундз в противостоянии с великим Карлом Хаббелом.

В нашей группе знаменитостей не было, она состояла из заурядных людей вроде меня, поэтому мы тоже поддались влиянию Рыжего. А разве могло быть иначе? Ведь он был так не похож на нас. У него была замечательная жизнь, он запросто общался с людьми, которые всегда были идолами его

новых товарищей. Поэтому к Рыжему обращались по любому поводу, начиная от формы питчера и кончая японским Генеральным штабом.

– Как думаешь, Рыжий, что будет на острове Пэрис?

– Как считаешь, Рыжий, японцы действительно такие крутые, как пишут в газетах?

Это слабая черта американцев. Успех в их глазах становится знаком мудрости. И они слушают, как ученые разглагольствуют по поводу гражданских свобод, комедианты и актрисы ведут политические дебаты, а спортсмены учат, какой сорт сигарет следует курить. Но Рыжий соответствовал своему положению. Было ясно, что в его случае дело сделали многочисленные путешествия и газетные заголовки. Он определенно умел держаться лучше, чем все мы.

Но даже находчивость Рыжего дала сбой, когда мы прибыли на остров Пэрис. С железнодорожной станции нас везли на грузовике. Выбравшись из кузова и кое-как построившись перед приземистым зданием из красного кирпича, мы выслушали классическое приветствие.

– Парни, – сказал сержант, который должен был стать нашим инструктором, – я хочу вам кое-что сказать. Отдайте ваши сердца Иисусу, поскольку ваши задницы принадлежат мне.

Затем он выдал несколько язвительных замечаний по поводу нашей жалкой гражданской одежды, после чего повел нас в столовую. Там нам дали колбасу и лимскую фасоль.

Раньше я никогда не пробовал лимскую фасоль, а тут съел. Она была холодной.

Группа, приехавшая из Нью-Йорка, распалась в первый же день на острове Пэрис. Я больше никогда не видел блондина с красивым голосом, да и многих других тоже. Шестидесят человек, извлеченные из нескольких сотен, приехавших на доисторическом поезде, стали одним из тренировочных взводов. Мы получили номер и попали под начало того самого сержанта, который встречал нас приветственной речью.

Сержант Ревун был южанином и презирал северян. Впрочем, нельзя сказать, что он отдавал предпочтение южанам. Просто на них он изливал меньше сарказма. Он был очень большой, ростом эдак сто девяносто с небольшим, а весом не менее ста килограммов.

Но сверх того он обладал голосом.

Его голос пульсировал сдержанной силой, когда он отсчитывал ритм, гоняя нас от административного здания к жилому и обратно, – он хлестал нас почище прута, заставляя замирать от страха. Только в Корпусе Морской пехоты традиционное «три-четыре – нале-во», удлинненное южной манерой растягивать слова, может звучать как магическое заклинание. Никто и никогда не произносил этот набор звуков лучше, чем наш сержант. Потому-то, а также из-за необычайной любви сержанта к бесконечной шагистике, я могу вспомнить его только марширующим рядом с нами – спина

прямая, руки энергично двигаются, кулаки сжаты, голова откинута назад, а громовой голос выговаривает: «Три-четы-ре – нале-во».

Сержант Ревун привел нас строем к интенданту. Именно там мы избавились от всех остатков собственной индивидуальности. Именно интенданты создают солдат, матросов и морских пехотинцев. В их присутствии приходится раздеваться. Избавляясь от каждого предмета одежды, теряешь какую-нибудь характерную черту. Утрата одежды знаменует тихую смерть всех особенностей твоей личности. Я снимаю носки – и уходит склонность к полоскам, и часам, и чекам, и даже к твердой пище; последней уйдет привычка сочетать фиолетовые носки и коричневый галстук. Мои носки отныне всегда будут коричневыми. Они не будут ни перекрученными, ни короткими, ни дырявыми. Они будут коричневыми. И еще одно – они будут чистыми.

То же самое произойдет со всей остальной одеждой, пока ты не окажешься голым в полумраке интендантского склада, из последних сил стараясь справиться со смущением.

Где-то глубоко внутри нас – психиатры называют это подсознанием – все еще жила человеческая искра. Она никогда не исчезает совсем. Ее сила или степень выхода из употребления пропорциональна числу километров, отделяющих человека от лагеря.

Голый и дрожащий, человек беззащитен перед интендантом. Характер липнет к одежде, его оторвали вместе с ней.

Потом интендант обходит тебя с сантиметром, после чего обрушивается водопад незнакомой одежды, завершая процесс смыwania с тебя индивидуальности. Словно где-то высоко над тобой перевернулся гигантский рог изобилия и на твою несчастную голову падает дождь шапок, перчаток, носков, ботинок, нижнего белья, рубашек, ремней, штанов и мундиров. Когда ты появляешься из-под всего этого, оказывается, что теперь ты всего лишь номер – 351391 USMCR. Двадцатью минутами ранее на твоём месте стояло человеческое существо в окружении ещё шести десятков живых существ. Но теперь вместо этого появился номер в окружении пятидесяти девяти других номеров. В сумме они составляют тренировочный взвод, а в отдельности не имеют ни величины, ни значения.

Мы стали все одинаковыми. Именно так все китайцы кажутся европейцам на одно лицо, и это, как я подозреваю, взаимно. Пока нас ещё спасал цвет волос и стрижка. Но вскоре и этого не будет.

Когда мы маршировали к парикмахеру, раздался насмешливый крик: «Вы ещё пожалеете-е-е!» Его эхо ещё не успело стихнуть, а парикмахер уже остриг меня. По-моему, он сделал всего четыре или пять движений машинкой для стрижки волос. То был последний штрих – и я стал номером, упакованным в хаки и окруженным сумасбродством.

Так началось наше пребывание на острове Пэрис. За шесть недель обучения здесь не было ничего логичного,

стержневого, кроме разве что кормежки. Все казалось паранойей: строевая подготовка, тренировки в обращении с оружием, лекции по военному этикету – «Отдавая честь, правая рука должна коснуться головы под углом сорок пять градусов между правым ухом и глазом», – лекции по морскому жаргону – «Отныне и впредь: пол, улица, площадка – все это палуба. Следует чистить и полировать оружие, пока оно не засверкает, и бриться каждый день». Все было смешано, свалено в кучу.

Что мы будем делать, отдавать честь японцам до смерти?

Нет, наверное, мы ослепим их полировкой.

Или побреем ублюдков.

Логика, казалось, была на нашей стороне, а морская пехота представлялась большим сумасшедшим домом.

Нас поселили на втором этаже большого деревянного барака и держали там. Если не считать недели или около того на стрельбище и похода к воскресным мессам, я выходил из барака только по сигналу сержанта Ревуна. У нас не было никаких прав. Мы были некими полуфабрикатами: уже не гражданские лица, но еще и не морские пехотинцы. Мы чувствовали себя в точности как в определении времени святого Августина: «Из будущего, которое еще не наступило, в настоящее, которое только начинается, назад к прошлому, которого уже нет».

И всегда и везде – строим.

Мы маршировали в столовую и в госпиталь, маршировали чистить оружие и на хозяйственные работы, маршировали на площадку для строевой подготовки. Ноги чеканили шаг по цементному покрытию, топали по утрамбованной земле, останавливались под аккомпанемент стуканья стalkerивающихся прикладов. «Кругом, марш!.. Нале-во!.. *стук, стук, стук...* Вперед!.. Правое плечо вперед, марш!.., *топ, топ, топ...* Взвод, стой!»

– Черт бы вас побрал, парни! Сказать вам, чем надо стучать, или сами догадаетесь? Вы создаете слишком много шума. Хотите шума? Хотите крови? Пусть шумит кровь! Вперед, марш!

От этого можно было сойти с ума.

Так нас приучали к дисциплине.

Кроме нас, новобранцев, никто на острове Пэрис, казалось, ни о чем не беспокоился, кроме дисциплины. О войне здесь не говорили, мы не слышали жутких рассказов об убивающих всех на своем пути японцах – это нам предстояло позже, в Нью-Ривер. Над всем, кроме дисциплины, здесь насмехались, будь то благочестие или финансовая политика. Инструкторы – все как на подбор убежденные солдафоны. Их мировоззрение было в чем-то сродни сенсуалистам, которые считают, что, если вещь нельзя съесть, выпить или положить в постель, значит, она не существует.

Дисциплина была всем.

Такое отношение невозможно сделать естественным для

пришедших с гражданки людей, но его нельзя игнорировать, чтобы сделать этих гражданских менее уязвимыми.

Сержант Ревун был чрезвычайно строг. Он приучал нас к дисциплине традиционными способами: одному приказывал вычистить сортир зубной щеткой, другому – спать с ружьем, которое несчастный перед этим уронил, или выдумывал еще более изощренные наказания. Но превыше всего он ценил строевую подготовку.

Однажды, когда я сбился с шага, он схватил меня за ухо. Признаюсь, я, конечно, не высок, но все же далеко не легок, тем не менее сержант почти что приподнял меня за ухо над землей.

– Счастливчик, – сказал он, – если ты будешь продолжать идти не в ногу, мы оба попадем в госпиталь, где придется хирургическим путем отделять мою ногу от твоей задницы.

Ревун гордился тем, что, хотя он мог загнать своих подопечных до полного изнеможения под жарким солнцем Южной Каролины, все же никогда не заставлял их маршировать под дождем. Великолепная уступка! Но были инструкторы, которые не только заставляли своих людей заниматься строевой подготовкой под рушащимися с неба водопадами, а получали искреннее удовольствие от превратностей, которым могли подвергнуть несчастных.

Один, к примеру, заставлял свой взвод строем шагать к берегу океана. Его громовой голос, отсчитывающий такт, звучал при этом как-то особенно внушительно. Если у кром-

ки воды возникало замешательство, люди сбивались с шага и нарушали строй, он приходил в ярость.

— Да кем вы себя возомнили? Не забывайте, вы всего лишь кучка жалких, ни на что не годных новобранцев! Кто велел вам останавливаться? Здесь я отдаю приказы, и никто не смеет останавливаться, пока я не скажу!

Если же люди, не останавливаясь, входили в воду, он позволял им зайти по колено или на чуть большую глубину, но так, чтобы вода не добралась до висевших за плечами винтовок. Затем он довольно ухмылялся и, притворяясь разъяренным, орал:

— А ну, возвращайтесь, вы, ошибки ваших матерей! Немедленно вытаскивайте свои глупые задницы из воды! — Развернувшись, он, сердито дымя, изрекал, обращаясь к острову Пэрис:

— Кому достался самый тупой взвод на этом острове? Как всегда, мне! Это же просто сборище кретин!

В большинстве сержанты не были жестокими и уж ни в коем случае не были садистами. Они свято верили, что поступают правильно, обращаясь с нами жестко, но только для того, чтобы сделать жесткими нас.

Только однажды я столкнулся с проявлением именно жестокости. Один из новобранцев никак не мог научиться маршировать, не опуская глаз. Сержант Ревун орал так, что едва не сорвал голос, но все было бесполезно. И тогда он придумал довольно-таки изуверское средство. Он закрепил штык

так, что рукоятка находилось за поясом несчастного, а острый кончик упирался ему в горло, не давая опустить голову. После этого парню было приказано маршировать. Мы смотрели на все это округлившимися, испуганными глазами.

Парнишка сделал несколько шагов, потом споткнулся, и сержант прекратил пытку. Дикий, первобытный ужас, должно быть, передался от новобранца сержанту, и Ревун поспешил отвязать штык. Я уверен, что сам сержант запомнил этот случай на всю жизнь – в отличие от его жертвы.

Это было не то время, чтобы завязывать длительные дружеские взаимоотношения. Все понимали, что наш взвод будет расформирован, как только период обучения завершится. Одни отправятся в море, другие – их будет большинство – пополнят ряды морских пехотинцев в Нью-Ривер, кое-кто останется на острове Пэрис. Да и условия, в которых мы жили, были довольно своеобразными: барак есть барак и между нами установились добрососедские отношения, но все же не дружба.

У меня было много друзей в морской пехоте, но об этом я расскажу позже. Сейчас речь о том, как делают морских пехотинцев.

Это процесс капитуляции, сдачи. Каждый час, каждую минуту нам приходилось отказываться от очередной привычки, каких-то предпочтений, производить корректировку своего «я». Даже в столовой мы продолжали учиться: здесь мы поняли, что личные вкусы одного конкретного человека ровным счетом ничего не значат.

Я всегда подозревал, что мне не понравится каша из дробленой кукурузы. Однажды ее попробовав, я убедился, что был прав. И до сей поры я на нее смотреть не могу. Но довольно часто по утрам мне приходилось ее есть или – оставаться голодным до полудня. Как часто мой живот раздра-

женно урчал, не получив завтрака!

Многие из нас имели некоторое представление о хороших манерах за столом. В это понятие никак не вписывалась потная рука соседа, неожиданно оказавшаяся перед носом, так же как и способ раздачи, при котором тарелки ставились на один конец стола и передавались на другой. При этом сидевшие в голове стола наедались до отвала, игнорируя возмущенные крики сидящих в середине и в конце.

Кое-кого могли раздражать ножи, лежавшие на столе, когда нам давали фасоль, или звериное чавканье, издаваемое отдельными членами нашего коллектива. Но мы довольно быстро становились все менее и менее чувствительными. Вскоре я перестал реагировать на внешние раздражители, просто некий «кишечный радар» регулярно предупреждал меня, что близится время еды, да и мысли о правилах приличия покинули нас до лучших времен.

Тяжелее всего в этом процессе капитуляции была полная невозможность уединиться. Все делалось открыто. Подъем, чтение писем, написание писем, заправка коек, умывание, бритье, расчесывание волос, опорожнение кишечника – все это делалось на виду у всех и так, как велел сержант.

Даже посылками с продуктами из дома завладевал инструктор. Нас информировали о прибытии посылок, о том, что инструктор апробировал их и нашел вполне подходящими.

Что, вас это удивляет? Вы считаете, что это слишком и за-

трагивает репутацию почты Соединенных Штатов? Ах, дорогой, позвольте мне задать вам один вопрос: как вы считаете, кто победит в противостоянии американской почты и американской морской пехоты?..

Если вы растерялись в первые несколько недель на острове Пэрис, на стрельбище вам придется собраться.

Ревун гнал нас большую часть пути до стрельбища – а это около восьми километров – сомкнутым строем. (Существует движение сомкнутым строем и движение походным порядком. Уверяю вас, разница между ними весьма значительная.) За спиной у нас висели тяжеленные ранцы. Наше морское снаряжение было в палатках, когда мы прибыли. Мы горько жаловались на тяжесть ноши, уверенные, что обошлись бы без неподъемных ранцев, даже не подозревая, что настанет день, когда мы будем мечтать о них, как о недоступной роскоши.

Тогда более чем когда-либо Ревун казался высеченным из камня. Прямой как копье, без усталости отдающий команды мощным, зычным голосом. Только в конце марша он самую малость охрип, тем самым продемонстрировав, что ничто человеческое ему не чуждо.

На стрельбище мы жили в палатках – по шесть человек в каждой. В моей оказался деревянный пол – в большинстве палаток такого удобства не было, поэтому и я, и мои товарищи высоко ценили это неожиданное благо. Кроме того, мы усмотрели Божий промысел в том, что нас, шестерых ньюй-

оркцев и бостонцев, поселили вместе: северная пшеница была таким образом отделена от южной соломы. Но утро, холодное приморское утро положило конец кажущейся идиллии. Хваленое самообладание янки оказалось изрядно поколеблено мятежными ликующими криками, которые приветствовали вид наших синих, дрожащих губ и звук громко клацающих зубов.

– Эй, янки, а мы-то думали, что на севере холодно и вы к этому привыкли! Оказывается, нет? Ух ты, глянь! У больших крутых парней губы трясутся!

Ревуну все это настолько понравилось, что он даже ненадолго утратил свою обычную сдержанность.

– Это уж точно, – авторитетно заявил он. – Как только вы высовываете носы на улицу, у вас тут же начинают стучать зубы. Черт побери, даже не знаю, что делать.

Через полчаса солнце уже ярко сияло, и мы быстро поняли, каким адом может стать резкая смена температуры.

Нас, новичков, только что прибывших на стрельбище, ожидал не слишком приятный сюрприз. Здесь имелись своеобразные мостки, на которых люди обычно сидели, причем нижние части их тел нависали над ржавым наклонным желобом, по которому стекала пресная вода. В самом начале этого желоба – в том месте, где качали воду, собралась небольшая группа парней. К счастью, я не был среди тех, кто в это время сидел на мостках, поэтому наблюдал за развитием событий со стороны. Один из «старожилов» поджег кипу смя-

тых, свернутых в ком старых газет и бросил его в воду. Пылающий факел поплыл по течению.

Удивленные и возмущенные вопли приветствовали горящий корабль, неспешно проплывающий под весьма чувствительными к резкому нагреву задницами моих товарищей. Потом было еще много чего, но первое впечатление оказалось самым сильным, и все время, пока оставались на стрельбище, к злополучному желобу мы приближались не без опасений.

На стрельбище нам сделали прививки. Сержант Ревун, как всегда строем, привел нас в амбулаторию, перед дверью которой мы увидели полдюжины представителей пришедшего перед нами взвода, стоящих или лежащих на траве – в зависимости от степени одолевавшей их тошноты. Так мы получили представление о том, чего следует ждать.

Прививка в армии – процесс абсолютно негуманный. Это похоже на пропуск человека сквозь мясорубку. Военные санитары стояли двумя шеренгами друг напротив друга, но с небольшим смещением, так, чтобы два медработника не смотрели в лицо друг другу. А мы шли по этому живому коридору. В процессе движения каждый санитар протирал тампоном голую руку стоящего перед ним пехотинца, не глядя протягивал руку назад, брал полный шприц у ассистента и затем безжалостно вонзал иглу в мягкую плоть. Это была машина движущихся тел, тянущихся рук, стремительных толчков злодейки-иглы. Мы двигались по этапу, застревали на

мгновение, потом начинали двигаться снова. Машина обладала производительностью сборочного конвейера, и так же, как конвейер, чужда человеческой природе.

Один из моих соседей по палатке, прозванный Борцом из-за недюжинной силы, массивных габаритов и недолгой карьеры на ринге, не понимал, что происходит. Он стоял передо мной, но был таким крупным, что оказался одновременно перед двумя санитарами – справа и слева от него.

Пока санитар справа протирал тампоном и колол его правую руку, санитар слева делал то же самое с левой рукой несчастного.

Борец перенес два укола, даже не вздрогнув. Но затем, прямо у меня на глазах, причем так быстро, что я не успел сказать ни слова, оба санитары выполнили привычные движения руками и не глядя вкатили Борцу, не успевшему сделать шаг, еще два укола.

Это оказалось слишком даже для Борца.

– Эй, сколько вы мне вкололи?

– Одну дозу, кретин, двигайся вперед!

– Одну? Да я получил четыре!

– Ну да, конечно, и еще ты командир базы. Я же сказал, продвигайся вперед, ты всех задерживаешь.

– Он говорит правду, – вмешался я. – Он действительно получил четыре дозы. Вы оба сделали ему по два укола.

Санитары несколько растерялись. Туповатая физиономия Борца выражала явную досаду, а я был слишком уж возбуж-

ден. Они подхватили Борца под руки и повели к доктору, который, впрочем, не выразил беспокойства. Окинув взглядом стоящую перед ним гору мышц и мускулов, он поинтересовался:

– Как самочувствие?

– Нормально, только они меня разозлили.

– Ладно. Думаю, с тобой все будет в порядке. Если почувствуешь головокружение или тошноту, дай мне знать.

Спешу сообщить, что никакого головокружения Борец так и не почувствовал, что же касается тошноты, то с ней пришлось бороться наиболее впечатлительным из нас, кому довелось наблюдать, как пятнадцатую минутой позже Борец расправлялся с куском мяса.

На стрельбище я впервые получил возможность в полной мере оценить способность морских пехотинцев к ругани. Отдельные проявления этого самобытного, виртуозного мастерства проявлялись и в бараке, но это было ничто по сравнению с всеобъемлющим богохульством и вопиющей непристойностью, которые мы наблюдали на стрельбище. Здесь были сержанты, которые не могли произнести и двух фраз, не вставив между ними ругательства или не призвав на чью-нибудь голову проклятия. Слушая их, мы не могли не содрогаться, а самые религиозные из нас начинали пылать от гнева, мечтая вцепиться в глотки богохульникам.

Очень скоро нам предстояло к этому привыкнуть, да и самим начать грешить тем же. Позже мы поняли, что все это

– показная бравада, а вовсе не наступательное оружие. Но вначале мы были шокированы.

Как можно было из обычных проклятий, пусть даже самых свирепых, создать целое искусство? Это не была злобная хула, стремление очернить, облить грязью. Обычная ругань, сквернословие, богохульство, не слишком грозное, зато удивительно разнообразное.

Первым всегда было слово. Уродливое слово, состоящее всего лишь из четырех букв, которое люди в форме трансформировали в самостоятельную часть мира лингвистики. Это был предлог, дефис, гипербола, глагол, существительное, прилагательное, даже, пожалуй, союз. Оно было применимо к еде, усталости и метафизике. Оно использовалось везде и не значило ничего, по сути своей оскорбительное, оно никогда не применялось по прямому назначению. Оно грубо описывало половой акт и никогда не использовалось, чтобы описать его в действительности. Низкое, оно означало возвышенное, уродливое – характеризовало красоту. Это слово входило в терминологию бессодержательного, но его можно было услышать от священников и капитанов, рядовых 1-го класса и докторов философии. В конце концов, имелись все основания предположить, что, если нашу беседу услышит посторонний человек, не слишком хорошо знающий английский язык, он легко докажет путем несложных подсчетов, что это короткое слово – определенно то, за что мы сражаемся.

На линии огня озлобленные сержанты, пытаясь за донельзя сокращенный срок обучения сделать из нас более или менее метких стрелков, наполняли воздух руганью и проклятиями. Морские пехотинцы должны уметь стрелять из положения стоя, лежа и сидя. Вероятно, потому, что из положения сидя стрелять труднее всего, эта позиция была наиболее популярна на стрельбище острова Пэрис.

Нам внушали всю необходимую науку в течение двух дней на проклятых, пузырящихся дюнами песках острова. Мы сидели на солнце, а песок покрывал наши волосы, забивался в глаза, нос, рот. Сержантам было наплевать на песок, пока он не попадал на смазанные металлические части наших винтовок. Не было прощения тому несчастному, кто позволял этому случиться. Наказание следовало незамедлительно: неслабый удар и чередой отборных ругательств, выкрикиваемых прямо в ухо провинившемуся.

Чтобы принять правильное положение сидя, следовало подвергнуть себя попытке растяжением на дыбе.

Винтовку следовало держать в левой руке в ее «центре равновесия». Но левая рука, продетая в петлю ружейного ремня, идет вверх по руке к бицепсу, где он затянут невероятно туго. А когда при этом сидишь со скрещенными ногами в позе Будды, приклад ружья располагается в нескольких сантиметрах от правого плеча. Загвоздка в том, чтобы удобно расположить приклад у правого плеча – так, чтобы к правой руке можно было прижаться щекой, посмотреть вдоль

дула и выстрелить.

Попробовав выполнить такой трюк в первый раз, я пришел к выводу, что это невозможно, если только в средней части спины не поместить шарнир, который позволил бы каждой стороне моего торса поворачиваться и наклоняться вперед. Иначе никак. В противном случае ремень перережет мою левую руку пополам, или же голова с треском отвалится, не выдержав напряжения от поворота и вытягивания шеи. Хотя, конечно, можно попробовать рискнуть и прицелиться с помощью одной руки, представив, что в руке не винтовка, а пистолет. К счастью, если здесь уместно *это* слово, решение принимал не я.

– Проблемы? – милостиво поинтересовался сержант.

Его приторно-сладкий тон должен был насторожить меня, но я принял его за неожиданный проблеск человечности.

– Да, сэр.

– Ничего, поможем.

Я опомнился, но было уже слишком поздно. Я попался. Оставалось только взирать на сержанта отчаянными, молящими глазами.

– Так, парень, ты крепко держишь винтовку левой рукой. Прекрасно. Теперь действуем правой. Так... так... Это тяжело, не так ли?

А тем временем сержант Ревун просто-напросто сел на мое правое плечо. Могу поклясться, я слышал, как оно хрустнуло. Я решил, что со мной все кончено, но на самом

деле ничего не произошло, разве что мое многострадальное плечо чуть-чуть вытянулось. Пытка сработала. Мое правое плечо все-таки встретилось с прикладом, а левая рука осталась неповрежденной. Вот как я осваивал невыгодную позицию для стрельбы.

Я видел только одного японца, убитого выстрелом, произведенным из такого положения, причем когда противник не вел огонь.

И все же оставалось только удивляться, как нас сумели-таки научить стрелять за те несколько дней, что мы находились на стрельбище, вернее, научить тех немногих, кому это было необходимо. Большинство из нас умели стрелять, даже, что самое удивительное, мальчишки из больших городов. Я не знаю, как и где на необъятных бетонно-стальных просторах наших современных городов эти парни сумели достичь столь высокого мастерства, но стрелять они действительно умели, причем неплохо.

Все южане умели стрелять. А парни, прибывшие из Джорджии и Кентукки, были лучшими.

Они молча сносили унижение от ружейного ремня, сидя в песчаных дюнах. Но когда нам выдали боевое снаряжение, они с презрением отнеслись к столь ненадежной поддержке. Они крепко зажимали приклад под подбородком и производили выстрел. Инструкторы закрывали на это глаза. В конце концов, нет смысла спорить со стрелком, всегда попадающим в яблочко.

Я оказался одним из тех, кто не нюхал пороха. Раньше я ни разу не стрелял из винтовки, если не считать случайно выбитых мною двадцати двух очков в тире на ярмарке. «Спрингфилд» 30-го калибра казался мне настоящей пушкой.

Впервые на стрельбище я прибыл с двумя обоймами на пять патронов каждая и строгим предупреждением «Заряжай и закрывай», полученным от сержанта. Я почувствовал себя маленьким зверьком, на которого вот-вот наедет автомобиль. Затем до меня донеслись страшные слова:

– Все готовы на линии?.. Огонь!..

Трах-тарарах!

Это выстрелил мой сосед справа. Грохот, казалось, разорвал мои барабанные перепонки. От неожиданности я даже подпрыгнул. И через мгновение вокруг меня все смешалось, слилось в единую грохочущую на все лады какофонию. Еще секунда – и в нее вплелся голос моего «Спрингфилда». Выстрел, выброс гильзы, перезарядка. На десять выстрелов потребовалось несколько секунд. Затем наступила тишина, и с ней появился странный звон в ушах. В них звенит до сих пор.

Мне потребовалось немного времени, чтобы преодолеть робость и начать получать удовольствие от стрельбы. Конечно, не обошлось без ошибок, характерных для всех новичков. Я палил по другой мишени, не попадал в яблочко, не учитывал сноса ветром. Но я быстро учился, и, когда подошел день зачетной стрельбы, я не сомневался, что получу

значок инструктора. Этот знак вполне может быть приравнен к медали за храбрость. К тому же его получение означало дополнительную ежемесячную сумму в пять долларов, что немаловажно, когда получаешь двадцать один доллар.

День нашей зачетной стрельбы, иными словами, день, когда результаты, которые мы покажем, станут официальными и по ним будет определяться квалификация, был очень ветреным и зверски холодным. Я помню зловещую, гнетущую обстановку и то, как я отчаянно мечтал оказаться поближе к костру, вокруг которого собрались сержанты, курившие сигареты и изображавшие веселость, которую, я уверен, никто чувствовать не мог. Весь день у меня ужасно слезились глаза. Когда мы вели огонь на 500 метров, я почти не видел мишени.

Результаты оказались, прямо скажем, жалкими. Я не получил вообще никакой квалификации. Несколько человек получили знаки меткого стрелка, были выявлены двое или трое снайперов. Значок инструктора не получил никто. Зато, «отстрелявшись», мы стали морскими пехотинцами. Нам следовало обучиться еще некоторым приемам, в частности обращению со штыком и стрельбе из пистолета, но эти навыки занимали более низкое место по шкале ценностей, принятой в морской пехоте. Оружие морского пехотинца – винтовка. Поэтому, отбивая шаг по мостовой по дороге в барак, мы чрезвычайно гордились тем, что освоили «спрингфилд». Ну, по крайней мере, попытались это сделать.

Теперь мы стали ветеранами. Подходя к бараку, мы столкнулись с группой только что прибывших новобранцев. Они еще были одеты в гражданскую одежду и показались нам какими-то неопрятными, взъерошенными, жалкими, как птицы, промокшие под дождем. Словно повинуюсь некоему инстинкту, мы хором выкрикнули: «Вы еще пожалеете!» Ревун довольно ухмыльнулся.

За пять недель с нами сделали все, что могли. Оставалась еще неделя обучения, но долгожданные и желанные перемены уже произошли. Самым важным в происшедшей с нами трансформации было вовсе не то, что наша плоть стала мускулистее, рука тверже, а глаза зорче. Мы изменились духовно.

Я стал морским пехотинцем. Это автоматически возвышало меня над бредущими стадами других солдат. Теперь я с пренебрежением говорил о солдатах («собачьи морды») и матросах («наездники на швабрах»). Я грубо хохотал, когда сержант едко отзывался о Вест-Пойнте² как о «школе для мальчиков на Гудзоне». Я принимал как истину, которую невозможно проверить, рассказы об армейских и морских офицерах, которые отказывались от присвоения офицерского звания и шли в морскую пехоту рядовыми. Я приобрел обширный запас знаний об истории Корпуса и с удовольствием рассказывал анекдоты о непобедимости прошедших огонь и воду морских пехотинцев. Я стал невыносимым для всех, кроме других морских пехотинцев.

Всю следующую неделю мы почти ничего не делали, ожидая назначения. Мы вели разговоры исключительно о мор-

---

² Вест-Пойнт место расположения училища сухопутных войск Военной академии США, гордящегося своими традициями и уровнем подготовки.

ских вахтах и нарядах. Это были грезы наяву. В них все мы носили голубую форму, безудержно пили, танцевали, совокуплялись и играли в доблесть. Иногда в разговоре проскальзывало название «Нью-Ривер» – случайно, как временами в беседе ненароком всплывает имя «паршивой овцы» в семье. Так называлась база, где велось формирование 1-й дивизии морской пехоты. В Нью-Ривер не носили голубую форму, там не было девочек и танцев до упаду. Там было только много пива и бесконечные болота вокруг. Упоминание о Нью-Ривер всегда вызывало болезненную, неловкую паузу в разговоре, которая длилась до тех пор, пока неприятное впечатление не забывалось, погребенное под волной новых радостных предположений.

Наступил день отъезда. Мы побросали свое морское снаряжение в грузовики, оделись и собрались на площадке за баракom. Мы стояли в тени балкона – это место, откровенно говоря, не вызывало приятных ассоциаций. Как-то раз Ревун наказал здесь неловкого новичка, умудрившегося на марше уронить свою винтовку. Несчастный стоял здесь в строевой стойке с винтовкой в руках от рассвета до заката и беспрерывно повторял: «Я плохой мальчик. Я уронил винтовку».

Теперь мы стояли на том же месте, ожидая приказа. Пришел Ревун, приказал нам встать в строй и повторить приемы строевой подготовки с оружием. Мы их проделали весьма уверенно.

– Вольно, разойдись. Вон ваши грузовики.

Мы забрались в кузов. Кто-то даже набрался достаточно смелости и спросил:

– Куда мы едем, сержант?

– В Нью-Ривер.

Грузовики тронулись. Все молчали. Я помню, как Ревун, провожавший нас, долго стоял и смотрел вслед уезжающим машинам. Я был потрясен, увидев грусть в его глазах.

В Нью-Ривер мы прибыли глубокой и очень темной ночью. Из Южной Каролины мы ехали по железной дороге. В пути нас, как всегда в поезде, хорошо покормили. Мы спали на своих местах, а вещи были уложены на верхних полках. Только винтовки мы держали при себе.

По прибытии было много шума, криков, кругом мелькали лучи фонариков. Мы вылезли из вагона и построились на платформе. Было довольно темно, и мечущиеся вокруг нас орудия фигур принимавших пополнение сержантов и офицеров казались бесплотными тенями. Они были чем-то потусторонним и не имели никакого отношения к реальности до тех самых пор, пока очередной луч не выхватывал одну из теней из темноты. В свете фонаря тень сразу обретала плоть. Несмотря на темноту, у меня создалось стойкое впечатление огромности окружающего пространства. Где-то над головой темнел гигантский небесный свод, а вокруг раскинулась бескрайняя и абсолютно ровная равнина, на которой лишь изредка темнели какие-то постройки.

Нас строем погнали к продолговатому ярко освещенному домику с дверью в другом торце. Мы стояли у входа, а сержант выкрикивал наши имена.

– Леки!

Я сделал шаг, и это движение разом отделило меня от людей, бывших моими товарищами на протяжении шести недель.

Я быстро вошел в освещенный дом. Сидевший за столом человек, не глядя на меня, кивнул, указывая на стул. В помещении находилось еще трое или четверо таких же офицеров, принимающих пополнение. Он быстро задавал вопрос за вопросом, интересуясь только ответами и полностью игнорируя меня. Имя, номер, номер винтовки и так далее – иначе говоря, сухие подробности, несколько не характеризующие человека как личность.

– Чем вы занимались на гражданке?

– Работал в газете спортивным обозревателем.

– Хорошо. Первая дивизия. Идите прямо и скажите сержанту.

Вот как нас классифицировали в морской пехоте. Поверхностный опрос. Краткие вопросы без особого внимания к ответам. Школьник, фермер, будущий светило науки – все они были лишь зерном, сыплющимся на приемную мельницу, из которой следовали дальше, получив одинаковые аккуратные ярлыки: 1-я дивизия. Никакой тебе проверки способностей, никаких тестов на профессиональную пригодность.

В 1-й дивизии морской пехоты исходили из единственной предпосылки: человек пришел сражаться. И никого не интересовала его профессиональная компетентность на гражданке.

Это могло явиться оскорблением для тех остатков гражданского самоуважения, уничтожить которые на острове Пэ-рис просто не хватило времени. Ну ничего, о них позаботится Нью-Ривер. Здесь ценился только один талант – солдата-пехотинца, а единственным инструментом была винтовка. Все тонкое и изящное здесь быстро погибало, как нежные гардении в сухой пустыне.

Я чувствовал силу такого отношения и впервые в жизни ощутил абсолютное подчинение власти. Выбравшись из хижины, я пробормотал: «Первая дивизия», обращаясь к кучке сержантов, стоящих неподалеку. Один из них указал фонариком в сторону группы людей, топчущихся в некотором отдалении. Я занял место среди них. Рядом формировались и другие группы.

Затем по команде я забрался в грузовик. Меня окружали мои новые товарищи. Водитель завел мотор, и мы покатали по разбитой дороге в неизвестность. Мимо проплывали темные хижины. Неожиданно грузовик остановился. Мы были дома.

Теперь моим домом стала рота Н 2-го батальона 1-го полка морской пехоты. Домом было скопище пулеметов и тяжелых минометов. Кто-то в этой жизнерадостной компании ре-

шил, что я буду пулеметчиком.

Процесс внесения в списки в роте Н ничем не отличался от получения нами «назначений» накануне ночью. Единственная разница заключалась в том, что все мы прошли через барак, занятый капитаном Большое Ура. Он смерил каждого из нас военным взглядом, в задумчивости потрогал пальцем свои очень военные усы и задал каждому несколько коротких вопросов. Затем, скептически ухмыляясь, он разделил нас по отделениям и отправил в распоряжение сержантов, как раз прибывающих из других полков.

Они приезжали из 5-го и 7-го полков, в рядах которых сражались почти все старослужащие 1-й дивизии. Мой полк, 1-й, был расформирован, но после Пёрл-Харбора был воссоздан. В 1-м срочно требовались военнослужащие сержантского состава, и большинство из прибывших, судя по некоторой нервозности, свое звание получили не так давно, как хотели это показать. Их шевроны были слишком уж новенькими, а некоторые даже не успели их пришить и наспех прикололи на рукава булавками.

Несколькими неделями ранее все эти капралы и рядовые 1-го класса были обычными рядовыми. Но в такое тяжелое время опыт, даже небольшой, это все-таки лучше, чем никакого. Все вакансии должны были быть заполнены. Они и заполнялись.

Но в 1-м были и ветераны сержантского состава. Именно им предстояло обучить нас, сделать боевым подразделением.

От них мы учились обращаться с оружием. От них мы учились выдержке и хладнокровию. Они были старой гвардией.

А мы были новичками, юнцами добровольцами, которые сменили спокойное тепло дома на трудности войны.

В течение следующих трех лет это были мои товарищи – солдаты 1-й дивизии морской пехоты.

Глава 2 Морская пехота

1

Баракы, горячее, пиво.

Вокруг этих трех вещей, как вокруг Святой Троицы, сосредоточилась наша жизнь на Нью-Ривер. Баракы предназначались для того, чтобы защитить нас от осадков, горячее – от холода, а пиво – от скуки. И нет никакого греха в том, чтобы называть их священными: они несли в себе святость земли. Думая о Нью-Ривер, я прежде всего вспоминаю длинные баракы с низкими крышами, я помню массивные печи и как мы под покровом ночи, с ведрами в руках, крадучись, выскальзывали из дверей, чтобы стащить немного горячего из бочек других рот, стараясь не замечать тени других людей, таких же, как и мы, воришек. Я никогда не забуду ящики с пивными банками, стоящие в середине одного из барачков, как мы выуживали из карманов все до последнего цента, чтобы собрать необходимую сумму для покупки этого необходимого продукта, а потом волокли тяжелую ношу на плечах, шумные и веселые, потому что впереди нас ждало натопленное жилье, а когда пиво попадет в наши желудки, мир будет принадлежать только нам одним.

Мы были рядовыми, а значит, не знали забот.

Кроме того, у меня было трое друзей: Здоровяк, Хохотун и Бегун.

Со Здоровяком я познакомился на второй день своего пребывания на Нью-Ривер. Он прибыл двумя днями раньше, и капитан Большое Ура сделал его своим посыльным. Всю первую неделю, пока шли организационные работы, его одежда постоянно была заляпана грязью из-за бесчисленных перемещений по болоту между офисом капитана и нашими бараками.

Сначала он мне не понравился. Мне показалось, что, став в своем роде приближенным капитана, он смотрит на нас свысока. К тому же он вел себя, по моему мнению, слишком грубо. Этот широкоплечий и какой-то очень массивный молодой человек с голубыми глазами и светлыми, мягкими, как пакля, волосами в основном угрюмо молчал и открывал рот, только чтобы выплюнуть короткую фразу вроде: «Кэп хочет, чтобы два человека принесли вещи лейтенанта».

Тогда я еще был слишком неопытным, чтобы заметить под внешней угрюмой грубостью испуганного, как и все мы, парня. Неподвижное лицо было всего-навсего фасадом, а презрительно опущенные уголки рта – поспешно воздвигнутой обороной против неизвестности. Пройдет время, дружба согреет его испуганное сердце, и тогда его губы начнут изгибаться совсем иначе – они растянутся в радостной улыбке.

С Хохотуном было проще. Мы подружились в первый день занятий по стрелковой подготовке, когда нас начали по-

свящать в тайны тяжелого, охлаждаемого водой пулемета калибра 7,62 мм. Наш инструктор капрал Гладколиций – юноша из Джорджии с приятным голосом и грустными глазами – превратил занятие в соревнование между расчетами, чтобы увидеть, которое из них сможет быстрее привести свое орудие в действие. Пулеметчик Хохотун нес треногу. Я, второй номер, тащил сам пулемет, металлический кошмар весом около десяти килограммов. По команде Хохотун протрусил вперед в указанную точку и быстро установил треногу. Я, задыхаясь, тащился за ним, чтобы вставить штырь оружия в гнездо треноги. Мы обогнали другие расчеты, чем Хохотун был чрезвычайно доволен.

– Ты классный парень, Джерси, – фыркнул он, когда я проскользнул рядом с ним и установил коробку для подачи боеприпасов. – Давай покажем этим ублюдкам.

В этом был он весь – дьявольски, яростно азартный человек. И еще он был отчаянным сквернословом. Постоянно насмехался над всем и всеми, но хорошее чувство юмора лишало его агрессивности и смягчало впечатление от грубости. Он был коренастым, как Здоровяк и я, блондином, как Здоровяк, но, несомненно, симпатичнее Здоровяка с его резкими, даже грубоватыми чертами лица.

Мы трое – а позже в нашей компании появился и четвертый, Бегун, он присоединился к нам на Онслоу-Бич – были не слишком высокими, ниже метра восьмидесяти, и крепко сбитыми. При таком сложении удобно носить треноги и ору-

дия, так же как стволы и опорные плиты, выпавшие на долю минометчиков. По-моему, основная часть нашей подготовки заключалась именно в переноске этих тяжестей.

Стрелковая подготовка и заучивание наименований. Знайте свое оружие, знайте его до мельчайших деталей, так же хорошо, как его создатели; научитесь вслепую или в темноте разобрать и собрать его и без запинки перечислить все действия его механизма. А кроме того, знайте роль каждого бойца расчета, начиная с наводчика и кончая теми несчастными, которые таскают канистры с водой и коробки с патронами в дополнение к своим винтовкам.

Все это было скучным и гнетущим, и война казалась очень от нас далекой. И так трудно сконцентрировать внимание и не заснуть под теплым солнцем Каролины, когда голос сержанта монотонно бубнит:

– Противник приближается... пятьсот пятьдесят метров... готовность на двести, нет, триста... огонь!

Каждый час делали десятиминутный перерыв, в течение которого мы могли курить, болтать или просто глазеть вокруг. Здоровяк и я по натуре были клоунами. Он очень любил изображать нашего начальника штаба – майора с жеманной походкой и чопорными, почти карикатурными манерами.

– Итак, парни, – говорил Здоровяк, расхаживая взад-вперед перед нами, как это обычно делал майор, – давайте усвоим следующее. Думать вам не придется. Солдатам думать

не разрешено. Думая, вы ослабляете боеспособность вашего подразделения. Любой, кто будет застигнут за этим занятием, пойдет под военный трибунал. Солдаты роты И, имеющие мозги, обязаны немедленно сдать их интенданту. Их нехватка ощущается в офицерском корпусе.

В те времена мы часто пели. Голоса не было ни у Здоровяка, ни у меня, кстати, и слуха тоже, но сам процесс пения нам очень нравился. К сожалению, у нас не было возможности пополнить свой репертуар хорошими песнями: военные шлягеры, которыми нас усердно потчевали, были абсолютно безликими и незапоминающимися – ни слов, ни мелодии.

Припевы вроде «Покажем япошкам, что янки далеко не так просты» или «Я послал поцелуй океану» вряд ли могли наполнить наши сердца стремлением кого-нибудь убивать или что-нибудь завоевывать. Мы пели их несколько дней, после чего перешли к блатной лирике, посчитав ее по крайней мере бесшабашной.

Грустно идти на войну, не имея собственной, берущей за душу песни. Нечто военно-патриотическое вроде «Горниста» или же что-нибудь игривое и язвительное, как, например, «Шесть пенсов» у англичан, могли дать нам понять, что на войне все-таки стоит воевать. Но у нас ничего подобного не было. Мы жили в продвинутое время и были слишком изощренными для такой несовременной мишуры. Военные призывы и военные песни казались наивными и лишними в нашем рациональном мире. Нас исправно снабжали пи-

щей для размышлений – абстракциями вроде четырех свобод. Если же этого мало, пойте военные марши.

Если человек должен жить в грязи, ходить голодным и рисковать своей задницей, ему необходима причина, по которой он должен все это делать. Результат – это не причина.

Без понимания причины мы становимся язвительными. Достаточно взглянуть на рисунки Билла Молдина, чтобы понять, насколько язвительными стали люди, участвовавшие во Второй мировой войне. Нам приходилось смеяться над собой, иначе, оказавшись в самом центре безумной механической бойни, можно было сойти с ума.

Вероятно, нам, морпехам, повезло больше других, потому что в дополнение к спасительному смеху мы имели культ морской пехоты.

Никто и никогда не забывал о своей принадлежности к морской пехоте. Это выражалось в изумрудной зелени форменной одежды, остервенелой чистке темно-коричневых ботинок, в лихо заломленных головных уборах сержантов и многом другом. Мы помнили об этом на каждой лекции, на каждом занятии. Иногда артиллерийский сержант-ганни мог прервать занятия и пуститься в воспоминания:

– Китай, парни, это да. Верните мне мой добрый старый Шанхай! Ничего похожего на эту дыру! Казармы, хорошая жратва – у нас были даже тарелки! – свобода, голубая форма. А как китайки любят морских пехотинцев! Больше всего они любят американцев! Причем они не обращают внимания

ни на пехотинцев, ни на моряков, если где-нибудь поблизости есть морпех. Вот это была служба, парни!

А поскольку морской пехотинец является добровольцем, его корысти всегда есть предел. Он может ныть и жаловаться, пока не дожидется ответа: «Ты же сам этого хотел, не так ли?»

Лишь однажды я услышал о возможности встретить равных нам. На тренировке со штыками друг напротив друга стояли две шеренги людей. Мы держали винтовки с прикнутыми штыками, но – в ножнах. По команде обе шеренги сошлись...

Сержант, однако, не был удовлетворен. Вероятно, причиной тому явилось наше очевидное нежелание выпустить друг другу кишки. Он приказал прекратить тренировку и схватил чью-то винтовку.

– Выпад! Парируем! Выпад! – выкрикивал он, показывая, как надо выполнять движения. – Выпад! Отпарировали? Снова выпад! Удар! Штык попал в живот!.. Черт побери, парни! Вам предстоит встретиться с виртуозами штыковой атаки. Вы будете сражаться с противником, который любит холодную сталь. Вспомните, что они сделали на Филиппинах! А что они натворили в Гонконге? Вам, парни, следует научиться пользоваться штыком, если, конечно, вы не хотите, чтобы какой-нибудь желтолицый ублюдок выпустил вам кишки.

Это обескураживало.

Даже другие сержанты краснели за него. Я не мог не срав-

нивать этого сержанта и его нарочитую ярость с методами наших инструкторов на острове Пэрис: они приказывали идти на себя со штыком наперевес и играючи нас обезоруживали.

Бедняга! Он думал, что учить – значит пугать. Он и сейчас стоит перед моими глазами таким, каким был на Гуадалканале: глубоко запавшие глаза, полные страха, провалившиеся щеки, дрожащие жилки. К счастью, все же кто-то проявил милосердие и его эвакуировали – больше я о нем никогда не слышал.

Никто другой не говорил о нашем несовершенстве и превосходстве противника.

Закончив тренировки, мы строились и шагали домой. До того момента, когда до барачных бараков оставалось полкилометра, мы шли походной колонной. Винтовки за плечами, можно даже ссутулиться, если хочется. Не надо идти в ногу. Мы шли домой, смеясь и болтая, весело перекликаясь друг с другом в быстро сгущающейся тьме.

Но за полкилометра до базы звучал зычный голос командира: «Р-р-р-ота, внимание!» – и дальше мы шли строевым шагом. Так мы подходили, сопровождаемые быстро удлиняющимися тенями, к баракам, где размещалась рота Н. Грязные и мечтающие о глотке воды, мы проходили по нашей улочке, печатая шаг, как гарнизон на параде.

Через полчаса, после душа и горячей пищи, мы оживали. Кто-то проверял наличие горячего.

– Эй, Леки, у нас мало топлива.

Я брал ведро и шел на промысел.

Здоровяк и Хохотун отправлялись за пивом. Возвращались они довольно скоро. Джентльмен или кто-то другой подметал пол в хижине. Пень, вероятно, помогал. Пень – невысокий, чем-то напоминающий быка деревенский парень из Пенсильвании – не пил и не курил, по крайней мере тогда, но любил развалиться на полу и бросить кости, или разложить карты, или просто тщательно намазать волосы специальным маслом. Для Пня жизнь заключалась именно в этом: кости, карты, масло для волос.

О чем мы говорили вечерами?

Было много «базарных сплетен» – слухов о снабжении, о будущем назначении, ругали еду, перемывали кости сержантам и офицерам. И конечно, не обходилось без бесед о сексе. Все как один многократно преувеличивали свои успехи с женщинами, в особенности самые молодые из нас.

Полагаю, наши беседы были по большей части скучны. Во всяком случае, так мне кажется сегодня. Они, без сомнения, были скучны, но от них веяло домом. Мы становились одной семьей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.